Селиверстова Наталья Матвеевна

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРЕПОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

Статья посвящена анализу тех представлений об истории возникновения и развития крепостных отношений в России, которые существовали в среде поместного дворянства накануне крестьянской реформы. Автор рассматривает воздействие на них научных исторических концепций, получивших известность в то время. Особое внимание уделено взаимосвязи представлений об истоках и сущности крепостных отношений, распространенных среди крестьян и их владельцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 158-162. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Сарварова Л. И.** Гетерофонное многоголосие татар-мишарей в контексте общерегиональной традиции // Татар халык иҗаты. Фәнни эзләнүләр һәм фольклор үрнәкләре: материалы итоговой научной конференции Государственного центра татарского фольклора (7 февраля 2007 г.). Казань: Алма-Лит, 2007. С. 130-139.
5. **Сарварова Л. И.** Многослоговые лирические напевы татар-мишарей: к проблеме вариантообразования // Наука о музыке: слово молодых ученых: материалы I Всероссийского конкурса науч. работ молодых ученых в области муз. иск-ва / Казан. гос. консерватория. Казань: Изд-во КГК, 2004. С. 459-480.
6. **Урицкая Б.** О некоторых чертах мордовской многоголосной песни // Проблемы музыкального фольклора народов СССР: статьи и материалы. М.: Сов. композитор, 1979. С. 147-156.

SPECIFICS OF THE MISHAR TATARS' HETEROPHONOUS POLYPHONY

Sarvarova Liliya Ildusovna, Ph. D. in Art Criticism
Kazan State Conservatory named after N. G. Zhiganov
survary2009@yandex.ru

The article aims to examine the specifics of the texture organization of the Mishar Tatars' polyphonic tunes. The polyphony type adopted in the Mishar tradition is defined as a heterophonous one. The analysis indicated that tone correlations in polyphonic patterns are characterized by the large-scale extension of voice vertical discrepancies zones capable to reach the size of the melodic line and by the choice of accords, the assortment of which is diversified enough and is represented by the intervals from tonic to the seventh.

Key words and phrases: the Mishar Tatars; ensemble intoning; polyphony; heterophony; vertical.

УДК 94(47).081
Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу тех представлений об истории возникновения и развития крепостных отношений в России, которые существовали в среде поместного дворянства накануне крестьянской реформы. Автор рассматривает воздействие на них научных исторических концепций, получивших известность в то время. Особое внимание уделено взаимосвязи представлений об истоках и сущности крепостных отношений, распространенных среди крестьян и их владельцев.

Ключевые слова и фразы: дворянство; крестьянство; сословие; крепостное право; самодержавие; отмена крепостного права.

Селиверстова Наталья Матвеевна, к.и.н., доцент
Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
nseliverstova@mail.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КРЕПОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

Чтобы лучше понять условия и обстоятельства проведения крестьянской реформы 1861 года, ключевой среди преобразований 60-70 годов XIX века, нужно учитывать, какими были представления о прошлом института крепостного права у тех сословий, кого это право касалось более всего: у дворян-помещиков и их крестьян. Известно, что в ходе подготовки отмены крепостного права власть апеллировала к поместному дворянству, призывая его активно участвовать в подготовке проекта крестьянской реформы. Основываясь на своих взглядах на историю крестьянского вопроса в России, иногда не вполне четко сформулированных, чаще всего существовавших в форме общих идей и представлений, дворяне – участники и современники реформы выстраивали свою модель поведения.

Историческое сознание высшего сословия Российской империи было в достаточной степени развито, прежде всего, в силу необходимости. Ведь именно с документального доказательства своего благородства начиналась история каждой дворянской фамилии. Генеалогические списки и документы Департамента герольдии Правительствующего Сената хранились в каждой семье, причислявшей себя к высшему сословию. К ним добавлялись документы, подтверждающие владение имениями, главной характеристикой которых была, как правило, не площадь земель, а количество проживавших на них душ крепостных крестьян.

Среди дворянской элиты середины XIX века университетское образование было не редкостью, не говоря о гимназическом, дающем основы знаний об истории отечества. Курс истории России зачастую входил в программу домашнего воспитания детей в дворянских семьях, как мальчиков, так и девочек. Помимо этого, основой исторического сознания дворянина в юности становились семейные предания, передающиеся из поколения в поколение, являвшие своё образное воплощение в портретах предков и российских императоров и императриц, развешанных по стенам барских домов.

На содержание исторических представлений дворянства оказывала воздействие историческая мысль эпохи, в которой сосуществовали как новейшие концепции, так и те, что были популярны в обществе, но уже не вполне актуальны с точки зрения науки. Сочинения Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева получили распространение в среде образованного российского общества, преобладающую часть которого в дореформенную эпоху составляло дворянство. Для образованного дворянина, причастного к умственной деятельности, чтение исторических сочинений и посещение публичных лекций по истории ведущих профессоров Московского, Петербургского университетов, других учебных заведений не было чем-то удивительным.

В наибольшей степени читателю-дворянину были знакомы произведения Н. М. Карамзина. В своей «Истории государства Российского», рассуждая о возникновении крепостного права, автор подчеркивал, что до указов 1592-1593 гг. «крестьяне искони имели в России гражданскую свободу, но без собственности недвижимой». Он описывал все невыгоды такого, с его точки зрения, кочевого образа жизни, который «умножал число бродяг и бедность», когда «домы обитаемые, или хижины, падали от нерадения хозяев временных». Историк обосновывал стремление правителя, в данном случае Бориса Годунова, не только закрепить крестьянское население, но установить между землевладельцами и сельскими работниками «союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном» [2, с. 570]. Устойчивый, передающийся из поколения в поколение идеализированный образ патриархальных отношений между помещиком и его крепостными крестьянами выступает здесь в качестве исторической цели социально-экономического развития в докрепостную эпоху. Таким образом, закономерность и логичность крепостного права становились очевидны читающей дворянской публике.

В то же время не следует преувеличивать степень воздействия научных исторических теорий и концепций на существовавшие в поместной среде общие представления о прошлом своей страны, особенно в том, что касалось истории крепостного права. Там более, что цензура почти до самой отмены крепостного права ревностно пресекала любые попытки сделать крестьянский вопрос как в современном, так и в историческом аспекте предметом публичного обсуждения.

Тем не менее концепции профессиональных историков (подчас в несколько искаженном виде), а также знания по курсу отечественной истории, заложенные в школьные или университетские годы, становились основой исторических представлений неспециалистов в тот момент, когда им требовалось осмыслить социальный факт современности, имеющий корни в прошлом. При этом нередко происходило смешение различных, иногда противоречащих друг другу теорий. Это неудивительно, если учитывать, что в составлении проектов будущей крестьянской реформы участвовали не только избранные столичные интеллектуалы, но и провинциальные помещики из всех губерний европейской части Российской империи.

В записке, направленной в Главный комитет по крестьянскому делу, тамбовский помещик Н. А. Никифоров представил очерк развития крепостного права в России. Он подчеркивал существенную разницу между тем, что представлял собой невольник на Востоке, раб на Западе в период Античности и крепостной крестьянин в России. «Раб не числится в составе Государства. Он не подлежит ни податям, ни повинностям государственным и никаким общественным обязанностям. Он не может иметь собственности и сам весь принадлежит господину, и никому более. Таковы были в древности у нас холопы кабальные. Напротив, крепостные люди принадлежат <…> государству податью лично ими платимою, повинностями лично отправляемыми, и военною службою, к которой призываются на равных со всеми податными состояниями. Быв свободны от рабства, они пользуются правом собственности и имеют свое гражданское право» [7, д. 80, л. 54-55].

Н. А. Никифоров доказывал, что крепостное состояние «постепенно образовалось, распространилось и повсеместно утвердилось в отечестве нашем, не злоупотреблением и не произволом частных лиц или владельцев земли, но рядом повременных узаконений, изданных мудрейшими из русских монархов, начиная от Иоанна III до Екатерины Великой включительно» [Там же, л. 60-61]. Автор записки отмечал, «что учреждение крепостного состояния водворило порядок между поселянами, обеспечило Правительство в исправном взносе податей, а землевладельцев в постоянной оседлости у них крестьян…». (Здесь мы явно можем проследить воздействие идей, сформулированных Н. М. Карамзиным). Н. А. Никифоров подчеркивает, что «в видах прогресса нравственного и политического» следует упразднить крепостное право, поскольку «оно тягостно для личности человека, затрудняет нравственное и промышленное его развитие» [Там же]. В целом же автор записки скорее оправдывает историческое существование крепостного права и лишь под давлением меняющихся обстоятельств соглашается признать его пережитком былых времен.

Представления о крепостном праве в его историческом ракурсе у разных представителей дворянства различались достаточно сильно, даже если исходили из общих исходных положений. Например, в своей рукописи по крестьянскому вопросу Д. Н. Шереметьев, подобно Н. А. Никифорову, проводит различие между рабством и крепостным состоянием. Но Д. Н. Шереметьев подчеркивал дополнительно существенный аспект отношения крестьян к земле: «У нас <…> крестьянин никогда не был рабом, сословие русских помещиков не есть сословие завоевателей, и потому отношения между ними и крестьянами должны были образоваться на началах патриархального быта, и крестьянин наш, будучи всегда владельцем земли, а не батраком, привык считать себя собственником земли» [6, д. 669, л. 14].

Большую роль в деле подготовки крестьянской реформы сыграл Ю. Ф. Самарин. Блестящий ум своей эпохи, он являл собой симбиоз лучших качеств родовитого дворянина, независимого образованного помещика, передового просвещенного чиновника, оригинального философа и яркого публициста. Его рукописная записка «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», которую он готовил

несколько лет и пустил по рукам в 1856 году, стала символом и предвестником будущего освобождения крестьян. В этой записке он крайне скептически высказывался о господствовавшем в последние десятилетия николаевской эпохи некритическом идиллическом представлении о сущности и истоках крепостного состояния. Он риторически вопрошал читателя: «Или мы хотим себя уверить, что до XVII века наш народ находился в состоянии жалкого сиротства, и что Борис Годунов не крестьян прикрепил к помещикам, а помещиков прикрепил к крестьянам в качестве опекунов?» [8, с. 22].

Тем не менее в той же записке Ю. Ф. Самарин поддерживает общую для славянофилов идею о том, что российское государство сложилось в результате усилий всей земли, а крепостное право несправедливо именно потому, что оно нарушает равенство в отношении подданных к верховной власти. Автор записки прямо обвиняет дворянство в том, что именно оно «разлучило простой народ с Царем. Ставши поперек между ними, оно заслоняет народ от Царя, не допускает до него народных жалоб и надежд <…> Но народ любит Царя <…> и Царь со своей высоты с любовью смотрит на народ» [Там же, с. 33]. В данном утверждении идеалистическая конструкция используется для характеристики образа взаимоотношения власти и народа.

Видный представитель дворянского общества середины девятнадцатого века и известный мемуарист Д. Н. Свербеев в своих записках рассуждал об истории помещичьего и крестьянского быта применительно к Новосильскому уезду Тульской губернии, в котором находилось одно из его имений. При Иване III эти территории были пограничными, и при присоединении удельных княжеств к Московскому вся земля делалась собственностью самодержавного государя. При этом Д. Н. Свербеев считал, что люди, живущие на этой земле, никогда не были даже второстепенными, после казны, её собственниками. Подобно Н. М. Карамзину, он называл народные массы кочевыми, стремящимися заселить приграничные степи. И когда «последовало запрещение поселенцам на пожалованной помещику земле переходить от одного владельца к другому, <…> крепостное помещичье право само собой получило отсюда первое свое основание» [9, с. 594-595].

Д. Н. Свербеев отмечал неизбежность введения запретов на переходы крестьян, то есть на утверждение крепостного права, поскольку без этого невозможно было бы сформировать постоянное войско и обеспечить доход казне. Отметим, что понятие постоянного войска к эпохе Ивана III было совершенно неприменимо и выглядит с исторической точки зрения анахронизмом.

Мемуарист утверждал, что цари жаловали дворян землями, не уделяя внимания количеству населяющих их крестьян. И лишь после того, как государственная необходимость заставила Петра I провести первые ревизии, стало известно точное число крестьян, населяющих земли помещиков, и окончательно было утверждено крепостное право [Там же, с. 595].

Д. Н. Свербеев, как и большинство его современников-дворян, отказывал крестьянам в каком-либо праве на помещичью землю. Тем не менее он признавал за ними право долговременного пользования этой землей. Тот факт, что крестьяне, обращаясь к помещикам, привыкли отвечать «Мы ваши, а земля наша», автор записок считал следствием постепенного превращения крестьян в крепостную собственность помещика, вслед за чем право на землю стало вторичным, менее важным, а право на людей – первичным [Там же, с. 595-596].

Аналогичную мысль высказывал в своей записке, направленной в Главный комитет по крестьянскому делу, от 22 ноября 1857 года князь Голицын. Он утверждал, что в древности два слова «принадлежать» и «владеть» обозначали совершенно разные понятия. Крестьяне говорят: земля принадлежит барину, а мы ею владеем. «В некоторых же местах привычка давнего пользования породила привычку в крестьянах смотреть отчасти на землю как бы на свою собственность» [5, д. 55, л. 2 об.].

В проекте коллективного дворянского адреса на высочайшее имя, датированного маем 1859 года, в котором отразилось недовольство помещиков ходом подготовки крестьянской реформы, высказывалась общепринятая в среде высшего сословия точка зрения, согласно которой создание крепостного права – дело рук высшей власти, а поэтому его отмена также должна находиться в ведении правительства. «В продолжении 600 лет правительство установляло крепостное устройство управления казенной и частной поземельной собственности в государстве, и в последние 150 лет обратило подвластность лица, укрепленного к земле, в принадлежность по имуществу, к коему оно укреплено. Здесь не место входить в разбор видов, руководивших правительством, – о сем упоминается только для показания трудностей, представляющихся в изменении порядка, вводимого столь долгое время и положенного основанием всех правительственных устройств как казенной, так и частной собственности» [7, д. 80, л. 86 – 86 об.]. Дворяне-авторы документа, таким образом, подчеркивали сложность грядущей реформы, которой предстояло уничтожить такой устойчивый институт, как крепостное право.

Конечно, невозможно подходить к исследованию социальных представлений образованной части общества с тех же позиций, что и «немого большинства». В крепостной деревне существовало своё понимание того, как возникло и как развивалось крепостное право, какими должны быть взаимные отношения крестьян и помещиков, поддерживались традиции обычного права. Но те помещики, которые жили в своих имениях и находились в тесной связи с крестьянским миром, не могли игнорировать представления и обычаи, устойчиво сохранявшиеся на протяжении столетий. Ко многим из них они приспособились и считали полезными для себя. К таким чрезвычайно устойчивым институтам относилась круговая порука, являющаяся одной из наиболее характерных черт крестьянской общины. Так, астраханский дворянский депутат Н. Н. Кишенский, вызванный для консультаций в Редакционные комиссии, утверждал, что: «Самое лучшее и надлежащее обеспечение помещика в исправном и своевременном получении следующих ему с крестьян повинностей есть круговое их друг за друга ручательство» [3, с. 52].

Идею всемерного сохранения общинного устройства крестьян в ходе реформы отстаивали, прежде всего, славянофилы. Один из них, А. И. Кошелев, дворянский депутат от Сапожковского уезда Рязанской губернии,

полагал, что сама мысль наделения всего крестьянства землей есть народная, чисто русская, является плодом общинного землевладения и основанного на нем общинного устройства. В своем отзыве на вопросы Редакционных комиссий он напоминал, что и прежде возникала мысль о необходимости отмены крепостного права, но не хватило силы, и не чувствовали твердой почвы под собой, поскольку намеревались дать только личную свободу. И только усвоив народную мысль о том, что крестьянин в России может быть освобожден не иначе, как с землей, правительство обрело могущество для реализации реформы [4, с. 275].

И. С. Аксаков в своем письме брату, К. С. Аксакову, от 27 марта 1860 года утверждал, что народ в России всегда жил по обычаю, а законы, в том числе Соборное Уложение, относились, прежде всего, к служилому сословию. С его точки зрения, крестьянская реформа – это продолжение развития русского государства, когда происходит образование нового класса – уже не служилого сословия, но и не народа. Будущее пореформенное дворянство И. С. Аксаков называет земским сословием [1, с. 400].

П. П. Семёнов Тян-Шанский, один из виднейших деятелей крестьянской реформы, в своих знаменитых мемуарах говорит о том, что еще в юности, когда из-за болезни матери вынужден был взять на себя заботы об управлении поместьем, он составил себе представление о том, что составляло, по его образному выражению, «неписанную, но верно хранимую в сердцах и преданиях “конституцию поместья”». Далее автор мемуаров углубляется в историю тех мест, где находилось его имение. Сначала здесь, по его мнению, жили славянские по преимуществу племена, занимавшиеся земледельческим трудом. Они обладали исконным правом на землю, ими обрабатываемую. С развитием государственности князья обложили местное население налогами. Затем, особенно с возникновением Московской Руси, государи стали превращать часть земель в поместья, передавая боярам и дворянам свои права на населенные земли взамен их жалованья за службу государству. При этом передавались только лишь права на сбор с крестьян натуральных и денежных повинностей, принадлежащие до тех пор государству. И помещики и государство были заинтересованы в удержании на местах земледельческого населения. Так крестьяне поместий окончательно сделались крепостными, особенно после отмены Юрьева дня. А в поместьях утвердились порядки, которые составили признаваемое во всех поместьях обычное право. «Основою этого права было бесспорное владение крестьянами тем количеством земли поместья, какое было <…> необходимо для прокормления крестьян и обеспечения их повинностей перед помещиком и государством» [10, с. 35].

В период отмены крепостного права значительная часть высшего сословия опиралась на свои исторические представления о становлении этого института и предпочитала считать крестьянскую реформу делом актуальным, но требующим весьма неспешного и всестороннего рассмотрения, соразмерного его историческому масштабу. Следует отметить, что поместное дворянство использовало различные объяснительные конструкции, рисующие прошлое крепостных отношений для подкрепления своих более или менее оригинальных проектов будущей крестьянской реформы. В этом случае исторические примеры и обоснования должны были иллюстрировать и подкреплять выводы, заданные априори, а не полученные в результате подлинного анализа исторических фактов. При этом способ обращения с историческим материалом, который выполнял служебную роль в объяснительных конструкциях, у различных представителей дворянского общества, включая самых известных деятелей крестьянской реформы и её современников, был примерно одним и тем же. Впрочем, иного сложно было бы требовать от людей, пусть и широко образованных, но ограниченных современным им уровнем исторического знания и лишенных специфического навыка исторического анализа. Наиболее распространенными были представления об отсутствии у крепостных крестьян исторически сложившихся прав на землю. В то же время значительная часть помещиков, особенно тех, кто жил почти постоянно в имении и находился в тесном взаимодействии с крестьянским миром, признавала существование обычного права общины на пользование землей. Эти представления об истоках и сущности крепостных отношений во многом объясняют позицию поместного дворянства, занятую им по отношению к правительственной программе крестьянской реформы, с одной стороны, декларировавшей право помещиков на всю землю, но при этом предусматривавшей выкуп крестьянами полевых наделов. Подавляющая часть поместного дворянства не была согласна с подобным подходом, казавшимся несправедливым и необоснованным с точки зрения права и исторической традиции.

Список литературы

1. **Иван Сергеевич Аксаков в его письмах**: в 4-х т. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1892. Т. 3. Письма 1851-1860 гг. Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. 680 с.
2. **Карамзин Н. М.** История государства Российского. М.: Олма-Пресс, 2003. 879 с.
3. **Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов**: в 3-х т. СПб.: В типографии Департамента Уделов, 1860. Т. 1. 982 с.
4. **Приложения к трудам Редакционных комиссий по крестьянскому делу. Отзывы членов губернских комитетов**: в 3-х т. СПб.: В типографии Николая Денноткина, 1860. Т. 2. 560 с.
5. **Российский государственный исторический архив** (РГИА). Ф. 982. Оп. 1.
6. **РГИА.** Ф. 1088. Оп. 1.
7. **РГИА.** Ф. 1180. Оп. 1. Т. 15.
8. **Самарин Ю. Ф.** Сочинения: в 10-ти т. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1878. Т. 2. 458 с.
9. **Свербеев Д. Н.** Мои записки. М.: Наука, 2014. 942 с.
10. **Семёнов-Тян-Шанский П. П.** Мемуары: в 4-х т. Пг.: Издание семьи, 1915. Т. III. Эпоха освобождения крестьян в России (1857-1861 гг.) в воспоминаниях бывшего члена-эксперта и заведовавшего делами Редакционных Комиссий. 444 с.

HISTORY OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF SERF RELATIONS IN THE IDEAS OF THE LANDED NOBILITY ON THE EVE OF PEASANTS' EMANCIPATION IN RUSSIA

Seliverstova Natal'ya Matveevna, Ph. D. in History, Associate Professor
D. Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia
nseliverstova@mail.ru

The article is devoted to the analysis of those ideas about the history of the origin and development of serf relations in Russia, which existed among the landed nobility on the eve of the peasant reform. The author considers the impact on these ideas of the conceptions that were popular in historical science. Particular attention is paid to the interconnection of the ideas about the origins and essence of serf relations, which were widespread among peasants and their owners.

Key words and phrases: the nobility; the peasantry; estate; serfdom; autocracy; abolition of serfdom.

УДК 94(571.1)+94(574)
Исторические науки и археология

В статье на основе архивного материала и опубликованных источников рассматриваются статистические обследования, проведенные в частном порядке отдельными служащими в рамках деятельности региональных статистических центров Западной Сибири в XIX – начале XX века. Слабое функционирование статистических комитетов побуждало к организации и проведению подобного рода работ, результаты которых имели место в практике губернских властей. Материалы частных статистических обследований, являясь дополнением к официальной статистике, способствовали накоплению сведений о регионе в его развитии по отраслям хозяйства.

Ключевые слова и фразы: история; статистика; Западная Сибирь; статистический комитет; губерния.

Скопа Виталий Александрович, к.и.н., доцент
Алтайский государственный педагогический университет
sverhtitan@rambler.ru

ЧАСТНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ СЛУЖБ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XIX – НАЧАЛА XX В.)

В условиях слабого функционирования региональных статистических учреждений и не всегда своевременного предоставления ими статистических сведений роль и значение частных статистических работ в территориальных границах Западной Сибири были высоки. Возрастающие запросы на статистический материал нередко подталкивали губернскую администрацию обращаться к частным лицам. Во многом это объяснялось необходимостью системного комплектования статистических данных и их последующего использования как для практических целей, так и губернской отчетности. Территориальная отдаленность и масштабность региона способствовали изысканию различных форм и способов формирования статистических сведений, особенно высока была потребность в отраслевых результатах обследований.

Образование отраслевых ведомств подталкивало действующие власти к системному формированию статистического материала о всем хозяйстве, что способствовало развитию статистической структуры в государстве в целом и регионах в частности [9, с. 146]. За период 1835-1847 гг. в Томский и Тобольский статистические комитеты, которые можно рассматривать только как де-юре в своем существовании, поступило более 200 запросов на статистические сведения: в среднем на каждый комитет приходилось более 10 запросов в месяц [2, д. 574, л. 28, д. 597, л. 39; 3, д. 112, л. 48, д. 223, л. 72]. Причем это были запросы на статистическую информацию официального характера. Оживление статистической деятельности в данный период легко объяснимо. Организация государственной статистики становилась продуктом развития капиталистического строя. Усложнение социально-экономических и политических отношений вело к пониманию статистики как одного из средств государственного управления [5, с. 8-9]. Однако повышение самостоятельности местной администрации сопровождалось усилением произвола и снижением управляемости из центра. Ситуация осложнялась с появлением на губернском уровне органов министерского (отраслевого) подчинения. Сибирскими исследователями верно было отмечено, что отсутствие регулярного и четко отлаженного надзора из центра порождало то самое «домашнее» управление, где, по определению М. М. Сперанского, самовластие сочеталось с послаблением. Запросы из центра о состоянии текущего положения дел на местах не всегда могли быть удовлетворены своевременно [4; 7]. С целью решения этой проблемы на губернском уровне шел процесс объединения отраслевых управлений и усиления влияния на них со стороны региональной власти [1, с. 134].

Развитие и расширение хозяйства в провинции, в первую очередь, с точки зрения экстенсификации производства, приводили к пониманию того, что роль и значимость статистических сведений как необходимого